

II. БЕЗОПАСНОСТЬ

Камилла Шеръязданова

В поиске парадигмы безопасности Центральной Азии

С древних времен основой стабильности любого государства является его безопасность. Однако методы ее осуществления менялись на протяжении столетий в связи с условиями, трактующимися международной обстановкой. Когда-то безопасность понимали буквально как ограждение от вражеских нападений путем применения военной силы и использования стратегии ведения боя, войны. С приходом XX века – века ядерного оружия, борьбы за политическую власть над миром и контроль мировых финансов – понятие безопасности усложняется, как усложняется и международная ситуация. Первая и вторая мировые войны показали на деле, что обеспечение и сохранность мира должны осуществляться посредством дипломатии конфликтующих государств, путем длительных переговоров и взвешивания всех „за” и „против”. Теперь безопасность государства обуславливается его положением на международной арене, его политическим, экономическим и социальным статусом, как в своем регионе, так и во всем мире. В связи с этим возникает потребность в формировании новых концепций безопасности, которые учитывали бы специфику всех стран и не противоречили теории международных отношений – стержня, без которого ни одно государство не сможет заявить о себе, как о субъекте международной системы.

А.Д. Богатуров и Н.А. Косолапов отождествляют безопасность со стабильностью. Сращивание данных понятий было инициировано появлением военно-политической доктрины «стратегической стабильности». Известная также под названием доктрины „взаимно гарантированного уничтожения”, она была разработана во второй половине 50-х годов в США. Ее смысл состоял в признании достигнутого потенциала ядерных арсеналов США и СССР достаточным для уничтожения друг друга независимо от того, с чьей стороны будет исходить первый удар. По мнению теоретиков отождествление стабильности с безопасностью характерно как для общих, так и для региональных исследований¹.

¹ См. А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, *Теория и анализ международных отношений*, Москва 1998.

П.А. Цыганков определяет понятие „безопасность” с позиции политического реализма, где главное действующее лицо международных отношений – государство. Он считает, что эффективная концепция безопасности не должна быть сосредоточена на военных аспектах в ущерб всем остальным аспектам, которые остаются в тени. Всеобъемлющая коллективная безопасность должна отвечать ряду условий, среди которых можно выделить пять групп: *моральные* (принцип неприменения силы и неделимости мира как состояния межгосударственных отношений); *институциональные* (совершенствование деятельности ООН как всемирной организации безопасности); *юридические* (эффективность деятельности Международного Суда, соблюдение норм и устава ООН); *системные* (благоприятная международная среда, т.е. преодоление биполярности); *ситуационные* (готовность всех членов сообщества безопасности идти на риск и жертвы ради общих интересов). П.А. Цыганков выделяет также роль транснациональных акторов, ибо в своей основе концепция всеобъемлющей системы коллективной безопасности строится на принципах государственно-центричного подхода.

Теоретики взаимозависимости Дж. Най и Р. Кохэн, исследуя проблемы безопасности, пришли к выводу о том, что силовой фактор является одним из основополагающих в межгосударственных отношениях. Они подчеркивают, что для разрешения различных вопросов могут понадобиться различные силовые ресурсы. Это свидетельствует о том, что реалистское понимание и реалистские подходы к проблеме безопасности в большей мере, чем другие, соответствовали международному контексту холодной войны².

Историк К. Гаджиев отмечает, что концепция национальной безопасности, равно как внешнеполитические и геополитические концепции, представляет собой производную от концепции национальных интересов, а в более широком смысле от общего видения граждан того или иного государства его места и роли в мировом сообществе. Концепция национальной безопасности строится с учетом как внешних угроз, исходящих извне и связанных с попытками поработить или подчинить государство, так и внутренних угроз, связанных с состоянием самого общества и коренящихся в самом обществе. К. Гаджиев признает возрастающее значение стратегии коллективной безопасности. Эта стратегия подразумевает создание системы, в которой каждое входящее в нее государство согласнo с тем, что его безопасность является делом всех, и присоединяется к коллективным действиям по отражению агрессии. Возникает проблема интегрирования военно-политической безопасности и социально-экономической политики в глобальном масштабе. Безопасность и благосостояние – два аспекта, которые находятся в нерасторжимой взаимозависимости, постоянно влияют друг на друга и на эффективность самого социально-экономического порядка³.

² См П.А. Цыганков, *Теория международных отношений*, Москва 2002.

³ См. К.С. Гаджиев, *Введение в геополитику*, Москва 1998.

При биполярном миропорядке границы между двумя блоками или полюсами были четкими, жесткими, непроницаемыми. Их противостояние, было ясно и просто: вот враг, вот мы, а вот „граница двух миров”, по обе стороны которой стоят войсковые армады, которые не двинутся друг на друга. И вдруг все изменилось. Безопасность распалась на мозаику постоянно меняющихся размытых конфликтов и войн, возникающих неожиданно чуть ли не повсюду, внутри государств и вовне. Все большее число стран и регионов перестают быть простыми статистами в грандиозной геополитической игре традиционного „концерта” великих держав или служить пассивной ареной их соперничества за сферы влияния. Они способны самостоятельно маневрировать и проводить собственную политику, нередко противоречащую стратегии своих бывших патронов.

Качественное отличие нынешней ситуации состоит в том, что число ведущих акторов мировой политики пополнилось за счет новых держав, региональных группировок, международных организаций и новейших образований – транснациональных корпораций, оказывающих существенное влияние на мировые события. Новизна ситуации состоит также в том, что внешняя политика почти всех ведущих акторов приобретает многовекторную ориентацию во всепланетарном масштабе.

В то время как на Западе добились больших успехов в деле обеспечения многостороннего сотрудничества и коллективной безопасности, баланс многосторонности и взаимодействия в Азии остается скудным, особенно это относится к области политики безопасности. Немецкий политолог Йоахим Краузе поясняет это двумя факторами: „различиями в политической культуре, а также соответствующей особенностью геостратегического положения. В действительности, очень трудно попытаться провести принципиальные культурные различия между азиатами и европейцами – слишком велики различия внутри самой Азии и, частично, также внутри Европы. Однако, что касается принципиальных предпочтений, то имеются явные различия между ведущими государствами Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона в вопросе миропорядка: в то время как в Европе доминирует концепция либерального мира, главными отличительными чертами которой являются международные институты, демократия, а также добровольное ограничение государственного суверенитета, большинство современных азиатских государств цепляются за традиционное понятие суверенитета и мыслят скорее категориями мира, покоящегося на балансе сил, который, конечно, должен подкрепляться торговлей. Кроме того, они склоняются к тому, чтобы не решать конфликты открыто, прежде всего, не решать их публично. Ни одна из этих категорий мышления не является типично европейской или азиатской, однако различия отрицать невозможно”⁴.

⁴ www.deutschebotschaft-moskau.ru

С рядом его соображений можно соглашаться или не соглашаться, но в одном он прав однозначно: в Азии либо не предпринимались попытки создать систему коллективной безопасности, либо были очень слабыми. Достаточно вспомнить предложение Л. Брежнева о создании такой системы в начале 1970-х годов. Но азиатские государства, особенно Китай, нерешительно поддержали это советское предложение.

В Азии, где остро стоящие проблемы коммуникаций, экологии, водных ресурсов, не говоря уже о растущей опасности религиозного экстремизма, терроризма и наркобизнеса, требуют совместных решений и действий, это особенно заметно. В регионе уже существует целый ряд межгосударственных объединений, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРГ), Лига арабских государств (ЛАГ). Их участники, объединенные географической, исторической, культурной идентичностью, пытаются, и небезуспешно, совместными усилиями решать насущные проблемы.

СВМДА (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии) качественно отличается от существующих организаций своей консолидирующей ролью, охватывая государства с различными, порой прямо противоположными взглядами и концепциями. Инициатива СВМДА стала одним из первых внешнеполитических шагов Казахстана. Она была выдвинута молодым государством, которое остро ощутило уязвимость своего геополитического окружения и в значительной мере, как показало время, предвосхитило вызовы сегодняшнего дня. Созыв саммита стал несомненным успехом внешней политики Н. Назарбаева. Одна из главных задач СВМДА — это реализация на практике принципа мирного урегулирования споров и мер доверия в военно-политическом измерении. Н. Назарбаев выразил надежду, что решению этой задачи будет способствовать инициатива Казахстана об усилении роли региональных организаций в поддержании мира и стабильности и создании Совета региональных организаций при Генеральном Секретаре ООН. По сути, находясь в начале пути, мы создаем конструкцию новой системы международных отношений на нашем континенте, которая органично впишется в строящийся глобальный миропорядок, сказал Президент РК⁵.

В прошедшем заседании приняли участие представители 16 стран: Азербайджана, Афганистана, Египта, Израиля, Индии, Ирана, Казахстана, Кыргызстана, Китая, Монголии, Пакистана, Палестины, России, Таджикистана, Турции и Узбекистана, причем 9 из них были представлены главами государств. В работе саммита участвовали международные организации – ООН, ОБСЕ, Лига арабских государств, а также страны-наблюдатели: Австралия, США, Индонезия, Япония, Таиланд, Вьетнам, Украина, Республика Корея.

⁵ См *Казахстан и современный мир. Сборник статей и выступлений*, Астана 2004.

Саммит уникален тем, что в нем приняли участие лидеры стран, находившихся в то время в состоянии конфликта: Индии и Пакистана, Палестины и Израиля. Таким образом, СВМДА сразу же подтвердило свое предназначение — стать открытым форумом для диалога с целью поиска компромиссных путей урегулирования. По мнению его участников, в жизни огромного Азиатского континента возник новый политический процесс в виде форума СВМДА, призванного значительно расширить возможности многостороннего диалога, равноправного взаимодействия азиатских стран в целях укрепления безопасности и стабильности, развития доверия и сотрудничества.

Лидеры азиатских государств говорили о принципиально новых подходах к обеспечению безопасности в Азии, основанных на доверии, уважении и сотрудничестве. Именно эти принципы отражены в итоговых документах саммита — Алматинском акте и Декларации саммита по устранению терроризма и содействию диалога между цивилизациями. Участники форума приняли обязательства соблюдать общие принципы и цели, отраженные в этих документах.

Алматинский акт — документ прорывного характера, содержащий новаторские нормы и отражающий подходы стран-участниц к обеспечению безопасности на Азиатском континенте с учетом особенностей и многообразия региона. Это касается, в частности, параллельного осуществления мер доверия и урегулирования споров, разработки проекта каталога мер доверия, приоритетности ликвидации оружия массового уничтожения, создания в Азии зон, свободных от ядерного оружия, принятия обязательств в области борьбы с терроризмом и сепаратизмом, наркобизнесом, незаконной торговлей оружием, транснациональной преступностью.

Конечно, Алматинский акт вряд ли следует считать конкретной программой действий, поскольку содержащиеся в нем обязательства носят скорее политический, нежели международно-правовой характер. Это, если так можно выразиться, общий взгляд на глобальные угрозы и вызовы, состояние системы международных отношений. Как заметил Н. Назарбаев, подписание акта „вовсе не означает, что уже завтра мы получим структуру, подобную ОБСЕ”. Большие дела быстро не делаются, и новой международной структуре еще предстоит в полной мере доказать свою эффективность и значимость. Но первые шаги всегда самые важные. И один из них — осознание того, что даже между непримиримыми участниками конфликта всегда есть возможность урегулирования не силовыми, а политическими методами.

В принятой декларации по терроризму и диалогу цивилизаций, которая стала реакцией на новые вызовы, изложена единая позиция в отношении этого зла. Государства-члены не ограничились тем, что осудили методы, акты и практику терроризма, они подчеркнули необходимость диалога между цивилизациями как средства устранения глубинных причин терроризма, предотвращения конфликтов между разными культурами и народами.

Итоги состоявшегося в Алматы первого саммита СВМДА активно обсуждались в мировых средствах массовой информации. Международные обозреватели и наблюдатели единодушны в одном – начало диалога по обеспечению безопасности и созданию мер доверия в Азии положено. Кроме того, отмечают они, на саммите приняты и подписаны важнейшие документы, значимость которых неоспорима. В публикациях российских СМИ повышенное внимание было уделено проблемам урегулирования локальных конфликтов и развития Соперничества в качестве механизма согласования интересов государств Азии. Оба эти вопроса воспринимаются прессой связано, и многие журналисты называли кашмирский вопрос тем „пробным камнем”, на котором может быть испытана действенность СВМДА. В Независимой газете под заголовком „Назарбаев формирует новое мироустройство” была опубликована статья политолога, члена научного совета Московского центра Карнеги проф. Алексея Малашенко. „Само по себе совещание как институт, конечно, не сможет совершить чуда..., – отмечает в ней политолог, но когда собираются руководители почти двух десятков стран, причем не где-нибудь, а именно в Алматы (место в каком-то смысле символическое, почти центр Азии), то это свидетельствует, что попытки организации нового мироустройства, в том числе и в Средней Азии, будут продолжаться и, в конечном счете могут привести к успеху”⁶.

Путь к созыву исторического саммита был тернистым. После известных трагических событий 11 сентября 2001 г. в США начался крутой поворот в международных процессах, новый этап переосмысления всеобщего миропорядка. Современной цивилизации был брошен серьезный вызов со стороны международного терроризма.

Здесь же не могу не вспомнить – пишет К. Токаев – что первая реакция моих коллег на проведение саммита СВМДА была более чем прохладной. Российский министр И.Иванов приводил такие доводы. СВМДА и Шанхайская организация сотрудничества в концептуальном плане повторяют друг друга и, следовательно, противоречат заявленным целям. Москва не скрывала, что отдает явный приоритет ШОС, как практически сформировавшейся организации. Кроме того, российские дипломаты высказывали опасения в отношении планов премьер-министра Индии А.Б.Ваджапаи, который, по их данным, не планировал поездки в Алматы. Чего здесь было больше – желаемого или действительного – остается лишь догадываться. Далее мой путь пролегал в Пекин, где я вел переговоры с министром иностранных дел Тан Цзясюанем и его непосредственным начальником, заместителем Премьера Госсовета Цянь Цичэнем, которого в международном сообществе считают одним из крупнейших дипломатов современности. И у китайцев были свои серьезные сомнения в целесообразности созыва саммита СВМДА. Явно координируя свои действия с Москвой, Пекин

⁶ А. Малашенко *Первый саммит СВМДА*, Астана 2003.

выразил опасения, что СВМДА, конкурируя с ШОС, подрвет потенциал любимого детища китайской дипломатии. Мне пришлось подробно излагать наше концептуальное видение этих двух форумов: СВМДА – это форум для диалога и консультаций по проблемам азиатской безопасности, а что касается ШОС, то это организация со своим уставом и исполнительными органами, причем нынешнее членство в Шанхайской организации сотрудничества выглядит более адекватным с точки зрения противостояния угрозам безопасности соответствующих государств. Китайцев очень сильно интересовало участие Индии и Пакистана, поскольку в тот момент они вышли на пик противостояния друг с другом. В мире даже заговорили о возможности ядерного конфликта. Со своей стороны я высказал мнение, что до масштабной войны дело все же не дойдет – сработает инстинкт самосохранения. В беседе с Цянь Цичэнем я был вынужден сказать, что Президент Н. Назарбаев принял твердое решение провести саммит СВМДА в Алматы 4 июня 2002 г. Основные документы подготовлены, в том числе при активном содействии китайских экспертов. Это Алматинский акт и Декларация о совместном противодействии международному терроризму и о диалоге цивилизаций. На каком уровне будет представлен Китай на этом форуме – решать самим китайцам. Но всему миру будет непонятно отсутствие высшего руководителя самой крупной азиатской державы. Поэтому я обратился к собеседнику с просьбой принять правильное решение и рекомендовать Председателю Цзян Цзэминю принять участие в саммите СВМДА⁷.

Надо отдать должное опытным китайским дипломатам: они адекватно восприняли основной смысл послания казахстанского руководителя. Уже во время прощания в пекинском аэропорту министр Тан Цзясюань произнес многозначительную фразу: „Ваш визит был очень успешным”. Зная, что китайцы слов на ветер не бросают и относятся к ним чрезвычайно бережно, я вернулся в Астану с уверенностью, что основная цель была достигнута. На следующий день я доложил Нурсултану Абишевичу, что в саммите СВМДА, по всей вероятности, примет участие сам Цзян Цзэминь. Оценивая энергичные усилия молодой казахстанской дипломатии по выработке мер доверия на азиатском континенте, министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань в мае 2002 г. сказал: «С самого начала процесса СВМДА Китай решительно поддержал данную инициативу и предпринял соответствующие действия. Все это было сделано от чистого сердца». Именно Китай в прошлые десятилетия сопротивлялся созданию институтов коллективной безопасности в Азии. А создавать их вопреки сопротивлению Китая не имело особого смысла⁸.

Обратило на себя внимание то обстоятельство, что выжидательную позицию заняли США, страны Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Такие госу-

⁷ См. К. Токаев, *Преодоление, Дипломатическая служба Республики Казахстан* Алматы 2003.

⁸ Там же.

дарства, как Япония, Республика Корея, Индонезия, Малайзия, Таиланд заявили об участии в работе Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии в качестве наблюдателей. Но для достижения успеха в работе над этой инициативой исключительно важное значение имела поддержка Китая, России, Индии, Пакистана, Турции, Ирана, Афганистана, Монголии, а также Кыргызстана и Таджикистана. Что же касается Узбекистана, то его отношение к казахстанской инициативе было достаточно прохладным.

Последующая работа по продвижению процесса СВМДА отмечается разработкой каталога мер доверия, положения о секретариате и правил процедуры СВМДА. В рамках указанных документов предусмотрено создание правовой базы для обеспечения сотрудничества и разработки мер доверия в Азиатском регионе.

Оценивая перспективы СВМДА, следует отметить, что его участникам предстоит трудоемкая кропотливая работа по поиску точек соприкосновения. В этом плане разрабатываемый каталог мер доверия действительно является не только новым, но и уникальным документом. Это своего рода свод правил, направленных на создание в регионе атмосферы мира и доверия, урегулирование возникающих противоречий через механизм превентивной дипломатии. В документ по мерам доверия входит большой комплекс вопросов, затрагивающих военно-политическую, экономическую, экологическую, гуманитарную и культурную сферы. Учитывая, что среди участников СВМДА есть государства, между которыми даже не установлены дипломатические отношения, становится очевидной значимость этого документа. Здесь очень важно руководствоваться принципами добровольности, постепенности и обязательности. Это означает, что ни одно из государств не будут принуждать ставить свою подпись под всеми пунктами каталога. Однако если обязательство будет принято, игнорировать его государство уже не сможет.

Многое в деятельности СВМДА будет зависеть от решения ряда принципиальных проблем, и не только организационного плана. Одна из них касается возможности использования в работе совещания мирового опыта, то есть документов, принципов и структур существующих международных организаций, в частности ОБСЕ. Ряд экспертов выступают против подобного копирования, считая препятствием не только существенные различия в политической культуре европейских и азиатских стран, но и специфику европейского и азиатского подходов к интеграции. Так, в Европе в целом вполне терпимо относятся к добровольному ограничению государственного суверенитета в пользу интеграции. Для Азии же стратегически важнее принцип незыблемости атрибутов суверенитета, сбалансированность сил, подкрепляемая активными торговыми связями. Если в Европе меры доверия – это, прежде всего военно-политическое сотрудничество, совместные учения и инспекции, обмен военной информацией, то в Азии таковыми являются эконо-

мические и культурные связи. По всей видимости, именно они станут стартовым пунктом в расширении сферы позитивного взаимодействия в рамках СВМДА. Это тот самый принцип «от простого к сложному», о котором неоднократно упоминали эксперты рабочих групп в ходе предыдущих встреч.

Сейчас для всех участников СВМДА нужны конкретные результаты, и не суть важно, в какой сфере – политической, экономической или военной. К примеру, сегодня вполне реальной выглядит реализация совместных проектов (как на двусторонней, так и на многосторонней основе) в сфере приграничной торговли и транспортных коммуникаций. При этом формулой успеха открытого и равноправного сотрудничества должен стать решительный отказ от концепции «сфер влияния». СВМДА пусть даже медленно, но продвигается вперед, тем более что искреннее желание каждого азиатского государства внести посильный вклад в региональную безопасность и интегрироваться в мировое сообщество является совершенно оправданным. Однако об утверждении концепции СВМДА в современной системе международных отношений можно будет говорить только после конкретных успехов ближайших саммитов.

СВМДА и ШОС не конкурируют, а удачно дополняют друг друга в вопросах обеспечения азиатской безопасности. Каждый из этих форумов прошел свой нелегкий путь. Им удалось заполнить тот международно-правовой вакуум, который возник в сфере безопасности в начале 90-х годов. Естественно, были ошибки и просчеты, но они не уменьшают достоинства тех стран, чей благородный труд нацелен на обеспечение мира для азиатских народов.

Участие центрально-азиатских государств в ШОС дает им возможность использовать объединение в качестве политического инструмента создания баланса между Россией и Китаем, интересы которых представлены в Центральной Азии. Более того, недостаточно сильные политические и экономические возможности центрально-азиатских государств подводят их к необходимости сотрудничества с сильными государствами, что позволит укрепить позиции центрально-азиатских государств в международной системе. Россия и Китай являются постоянными членами Совета Безопасности ООН. Этот факт создает определенную степень гарантии того, что интересы государств Центральной Азии будут поддерживаться двумя влиятельными в Совете Безопасности государствами, имеющими с первыми корпоративные интересы.

Китай и Россия как две великие державы, географически находящиеся в ЦА, не могут не играть важной роли в этом регионе. Без их активного участия невозможно создать эффективный механизм безопасности. В перспективе развития сотрудничества между Китаем и Россией и центрально-азиатскими государствами они будут иметь все больше интересов, и, естественно, влияния в регионе ЦА. Изменение геополитической обстановки только усилит их стремление присутствовать в этом регионе.

Далее – как пишет китайский политолог Чжао Хуши – не надо смотреть на отношения между Китаем, Россией и США только через призму соперничества и конфронтации между ними. Это было бы односторонне. У них есть и общие интересы, и сотрудничество. После „холодной войны” отношения между ними в большей степени уже не носят характер „нулевой игры”, по крайней мере, не во всех случаях. В борьбе против терроризма в ЦА Китай, Россия и США сотрудничали. Без сотрудничества России, Китая и США если вообще не возможно, то по крайней мере гораздо труднее достигнуть успехов в борьбе против “Талибана”. Это общая борьба, а не только борьба США. Первыми инициаторами вести борьбу с терроризмом в этом регионе выступили именно государства – члены ШОС.

Разумеется, и центрально-азиатские государства не заинтересованы в противоборстве великих держав в этом регионе. Совпадающие интересы США, Китая и России в условиях глобализации отвечают и национальным интересам государств Центральной Азии.

Несмотря на определенную степень дублирования деятельности ШОС с деятельностью в рамках Договора о коллективной безопасности, военно-политическое сотрудничество в рамках первого представляется более перспективным. Это связано с тем, что ШОС объединяет лишь те государства, которые заинтересованы в пресечении экстремизма и терроризма и других сопутствующих угроз региональной безопасности и стабильности. Для Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана участие в ШОС дает возможность привлечь военно-политические ресурсы, как России, так и Китая для отражения данных угроз, что немаловажно, учитывая ограниченные возможности первых. Стратегическое сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом, возможно, также сгладит противоречия между центрально-азиатскими государствами. Уже сейчас очевидно, что всем сторонам необходимы скоординированные совместные усилия, без которых противостоять существующим угрозам не представляется возможным⁹.

Страны ШОС имеют преимущества в геополитическом и военном плане, в области рынка материальных и человеческих ресурсов. Укрепление сотрудничества, поиски взаимопонимания, благоприятных для усиления собственного положения, соответствуют интересам всех стран. Интересы шести стран в области региональной безопасности и экономического развития обширны и едины, позиции по важнейшим международным проблемам близки; нет проблем, оставленных в наследство историей; пограничные проблемы Китая с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном полностью или в принципе разрешены.

⁹ См. С.К. Кушкумбаев, *Центральная Азия на путях интеграции: геополитика, этничность, безопасность*, Алматы 2002.

Таким образом, важнейшее значение имеет выработка во многом нетрадиционного для Азии подхода к проблемам безопасности на континенте. Во-первых, стали отходить на задний план существующие разногласия государств, преобладающим элементом стало их стремление к поиску точек соприкосновения. Во-вторых, четко обозначилась заинтересованность в достижении искомого результата – созыве азиатского форума на высшем уровне. В-третьих, азиатские страны стали более внимательно учитывать опыт строительства региональных структур, в том числе на европейском континенте. Другими словами, азиатская специфика перестала рассматриваться как нечто неизбежное, фатальное по своей сути.

Kamilla Šer' âzdanova

SEARCHING FOR A SECURITY PARADIGM IN CENTRAL ASIA

The author analyses the most important perspectives in the debate on the optimal security formula for Central Asia. She emphasizes the impact of the Shanghai Cooperation Organization: membership in the organization eases or even eliminates disintegration tendencies in the region. Tensions and conflicts between Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan lie at the heart of the tendencies setting these countries apart. In a long term perspective, the best solution for regional security would be to work out a concept involving the entire continent.

W POSZUKIWANIU PARADYGMATU BEZPIECZEŃSTWA AZJI CENTRALNEJ

Autorka analizuje najważniejsze punkty widzenia obecnie toczącej się dyskusji nad poszukiwaniem optymalnej formuły bezpieczeństwa Azji Centralnej. Podkreśla, szczególne znaczenie dla bezpieczeństwa regionu ma działalność Szanghajskiej Organizacji Członkostwo w SzOW tworzy warunki dla złagodzenia a nawet eliminacji tendencji dezintegracyjnych w regionie, u podłoża których tkwią m.in. sprzeczności między Kazachstanem, Kirgistanem, Tadżykistanem, Turkmenistanem i Uzbekistanem. Zdaniem autorki w perspektywie długoterminowej najlepszym rozwiązaniem dla bezpieczeństwa regionu jest wypracowanie koncepcji bezpieczeństwa kontynentalnego.